

РУБЕН МАМУЛЯН И АРМЯНСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ГУЛЯН С. А.

В какой степени Рубен Мамулян сохранил свое армянское происхождение, будучи гражданином США? Этот вопрос интересует всех, кто знаком с его творчеством. Первым, кто профессионально затронул эту тему, был молодой киновед Арцви Бахчинян. Частично источником информации по теме и для Бахчиняна, и для меня были материалы, хранящиеся в ереванском Государственном музее литературы и искусства им. Е. Чаренца. Мне удалось восполнить их новыми фактами, собранными мною уже в Америке.

Отец Рубена Мамуляна – Захарий Мамулян и мать Вергине Калантарян были известны в Тифлисе, как люди не просто любящие искусство, но близко стоящие к нему. Мать была актрисой Народного театра, а отец, будучи владельцем банка, слыл известным меценатом, благодаря поддержке которого зачастую могли состояться многие спектакли. В Тбилиси и сегодня на Ленинградской (бывшей Санкт-Петербургской) улице стоит трехэтажный дом с буквой “М” на фасаде, когда-то принадлежавший семье Мамулянов, в котором в 1897 году родился и где прошли детство и юность Рубена. Это был очень гостеприимный дом. За его огромным обеденным столом не раз сиживали Сундукян, Зарифян, Абелян, Папазян и многие другие известные армяне. Гостями Мамулянов были также Василий Качалов и Ольга Книппер-Чехова. Рубен очень любил в такие дни слушать разговоры взрослых. А о чем могли вести беседы в те годы представители армянской интеллигенции – нетрудно предположить. Думается, что в душе мальчика откладывалась информация и об армянском театре, и об армянской литературе, и об армянской истории. Но первые семена интереса и любви к Армении заронила в душу мальчика его бабушка, мать отца – Екатерина Мамулова. Это была необразованная, но очень умная и мудрая женщина, уроки которой Мамулян запомнил на всю жизнь. Интересный факт: за три дня до смерти, впавший в забытие, девяностолетний Маму-лян стал вдруг делать какие-то странные движения руками. Когда его спросили, что он делает, Мамулян ответил, что шьет одеяло вместе с бабо Като.

В гостиной его огромного дома в Беверли Хиллз, в Лос-Анджелесе, на стене висел портрет бабо Като, написанный женой Мамуляна – художницей Азадией Ньюман, с маленькой истрепанной фотографии Екатерины Мамуловой, сделанной в Тифлисе. Уже тяжело больной Мамулян признавался, что часто разговаривает с бабо Като. Каждый день он определял ее настроение: "Сегодня она веселая", а в следующий раз она оказывалась сердитой или грустной. Любимая бабушка в буквальном смысле была рядом с ним всю жизнь, до самой смерти.

Каждый человек в семье Мамулянов был известен по степени отношения к бабо Като. "Мой отец был известен как сын бабо Като, мать, как невестка, я – как внук. Вечерами, почти ежедневно, все собирались у нее, чтобы слушать ее прекрасные истории, каждая из которых строилась на идее, которая оставалась с тобой навсегда. Это был своеобразный духовный витамин, который мы получали от бабо Като. Впоследствии я часто размышлял над теми вопросами, которые она упоминала. Ее рассказы, как семя, прорастали во мне"¹. Вот один из уроков бабо Като. Однажды поздним летним вечером, когда семилетний Рубен, сестра Светлана и четыре кузины ужинали, в дверь кто-то пос-тучал. Бабо Като подошла к окну и отодвинула занавеску, пытаясь разглядеть стучавшего. В темноте за стеклом показалось лицо молодой женщины с безумными глазами и страшным оскалом. Нос ее был прижат к стеклу и лицо от этого приобрело ужасающий вид. Дети в страхе закричали. Бабо Като вышла из дома, подошла к женщине, обняла ее за плечи и повела в сторону дороги. Вернувшись, она объяснила, что это сумасшедшая девушка живет на попечении всей деревни и не надо ее бояться. Потом она обратилась к Рубену, как к самому старшему и сказала: "Помни, если ты наполнишь свое сердце любовью, в нем не будет места для страха". Через несколько дней Рубен с детьми играл во дворе. Вдруг откуда-то объявилась огромная собака. Все застыли от ужаса. Рубен вспомнил слова бабушки, посмотрел в глаза собаки и стал ласково с ней говорить. Рычание прекратилось, собака подошла к мальчику и лизнула его в лицо. "В течение всей моей жизни этот совет моей бабушки всегда себя оправдывал"².

¹ Мамулян Р., *Мемуары – неопубликованная рукопись*.

² Там же.

Полковник Захарий Мамулян был среди тех, кто в Первую мировую войну освобождал находящийся ныне на территории Турции город Сарыкамыш. Рубен с сестренкой Светланой собирали деньги. Их скромные сбережения присоединялись к тем, на которые Вергине Мамулян покупала папиросы и белье для солдат. Среди последних было много армян. В Москве, в годы учебы в университете, Мамулян в течение нескольких месяцев посещал Вторую Вахтанговскую театральную студию. Ни в музее Вахтанговского театра, ни в театральном музее имени Бахрушина я не нашла ни одной строчки о Мамуляне. В надежде найти интересующую меня информацию я прочла много литературы о Евгении Вахтангове. Ничего о Мамуляне. Однако в одной из книг я прочитала о том, что во время перерыва в занятиях Вахтангов очень любил садиться за рояль и наигрывать мелодии. Очень часто из-под его пальцев струилась грустная мелодия одной и той же армянской песни. К тексту прилагалась нотная запись этой песни. Вахтангов не только играл ее, но и напевал. Дала волю своей фантазии, которая мгновенно нарисовала картину, как к Вахтангову присоединялся Рубен Мамулян. Это вполне могло быть, т. к. Мамулян был очень музыкальным и неплохо играл на скрипке.

Вернувшись из Москвы, Мамулян развивает бурную журналистскую деятельность. Он печатает статьи о театре и литературе, рецензии на спектакли. На армянском языке пишет для газеты "Мшак" и на русском – для русского "Слова". Их свыше 20 – статей, подписанных псевдонимом Рума. А одна из очень авторитетных тифлисских газет даже предложила ему должность театрального критика. "Поскольку мне только что исполнилось 20 лет, решил, что будет лучше подписываться псевдонимом. Если б выяснилось, кто я есть, у меня могли бы быть большие неприятности. И целый год (с марта 1919 по апрель 1920 года) я писал критические статьи об армянских театральных постановках. Когда выяснилось, кто скрывается за этим "Рума", я бросил это занятие. Те актеры и актрисы, которые принимали меня за ребенка и при встрече трепали мне волосы, вскоре поняли, что я знаю то же, что знают они"³. В свое время один американский армянин подарил мне газету с некоторыми из этих статей. Действительно, трудно представить, что их автор 20-летний юноша.

³ *Haratch*, 7.XII.1997.

В эти же годы вместе с Леоном Калантаром и Суреном Хачатряном Мамулян организывает в Тифлисе театральную студию. Занятия ведутся чаще всего на армянском языке. Именно в этот период к нему приходит первая любовь в лице Вардануш Сарьян (известной впоследствии художницы Вавы Хачатрян). В ереванском Музее литературы и искусства хранится тетрадка с 24 стихотворениями, написанными Мамуляном и посвященными Вардануш. Причем написаны они в форме акростиха. Вот одно из этих стихотворений. Называется оно – “Шаль”.

Вдвоем с тобой в ласкающей тиши
Ажурной шалью нежно сплетены,
Руками знойными в лобзанье долгом.
Дыханьем общим уста соединены,
Ажурной шалью – сетью наразрывной
Неусыпно-радостной влюбленности следы.
Уйдем в наш мир, мир сказки лучезарной,
Шепчу: “Люблю, уйдем в лазурь мечты”.

Любовь эта, видимо, не была чувством мимолетным, поскольку в течение многих лет, живя в разных странах (Мамулян – в Америке, Вардануш – во Франции), они вели переписку. Вот отрывки из одного письма, написанного Мамуляном 2 сентября 1927 года из Нью-Йорка. “Всегда думаю и скучаю по тебе...”, “Я так счастлив, когда получаю твои письма и читаю милые строки, которые согревают и ласкают...”, “Моя милая Вардануш! Вардануш! Как приятно произносить твоё имя! Такая радость – чувствовать, что ты меня не забыла и думаешь обо мне и хочешь меня видеть...”, “Моя Вардануш, если б ты знала, какая радость для меня твои письма!...”, “Ах, как мне хочется перенестись сейчас в Париж и побыть с тобой...”. Переписка длилась много лет. Впоследствии любовь эта, видимо, переросла в дружбу. В личных бумагах Мамуляна хранилась программка-приглашение на открытие выставки работ Вавы Хачатрян в Париже в мае 1966 года. На программке надпись: “Буду рада видеть тебя”. Тут же три репродукции работ художницы. Все они прекрасны. Особенно впечатляет “Автопортрет”. На картине женщина с очень красивым утонченным лицом, нежная и одухотворенная.

В 1921 г. Рубен Мамулян едет в Лондон, навестить сестру Светлану, вышедшую замуж за некоего Алекса Маккормика. Обратившись в Советский Союз он больше не вернулся. В Лондоне он сотрудничал с армянской газетой “Ошакан”, как в свое время в Париже с газетой “Апага”. Он был завсегдаем “Кофейни

Смбата”, где собирались лондонские армяне. Здесь он познакомился с сыном Раффи – Арамом.

Особое место в исследуемой проблеме занимает отношение Мамуляна к армянскому кино. В 1929 г. в ноябрьском номере лондонской газеты “Пайкар” была напечатана небольшая статья о просмотре Мамуляном в одной частной семье первого армянского художественного фильма Амо Бекназаряна “Намус”. Мамулян выразил приятное удивление в связи с тем, что в Армении смогли создать художественный фильм. “Как произошло это чудо! Когда восемь лет тому назад я уехал из этой страны, там были руины, нищета и могилы. Как смогла наша маленькая родина за такой короткий срок встать на ноги и даже создавать фильмы”. Фильм Мамуляну понравился, но он был удивлен, что все герои, исключая героиню, такие некрасивые. Еще Мамулян отметил, что в фильме слишком много драк и пьянства. “Есть у меня искренняя мечта поехать в Армению на несколько месяцев, чтобы познакомить киношников с американской кинотехникой”, – сказал он после просмотра.

В 1930 г. парижская газета “Последние новости” напечатала сообщение о том, что “Арменкино” предложило Мамуляну приехать в Эривань для работы над звуковым фильмом. Предположительно речь шла об экранизации эпоса “Давид Сасунский”. Во втором номере журнала “Хорурдаин арвест” за 1934 г. был напечатан ответ Мамуляна. “Огромное спасибо за приглашение. Я был бы безгранично счастлив снимать фильмы в Армении.” Затем Мамулян пишет, что ему предстоят съемки нового фильма и нет никакой возможности приехать. Однако он надеется, что в недалеком будущем ему удастся взять долгосрочный отпуск и приехать в Армению. “Это для меня очень интересно и желательно”, – пишет он. “Вы можете вообразить, как мне хочется посетить свою родную землю”. К этой информации хочу добавить то, что пишет об этом факте Арцви Бахчинян. “Весть о вероятном приезде Мамуляна в Армению и работе там дошла до американской прессы, и она начала обсуждать ее по-своему. Одна из газет написала, что это право Мамуляна поехать на свою родину, но с его стороны неблагоприятно увозить с собой свою невесту – королеву Голливуда Грету Гарбо”. Приехать в Армению для съемок фильма Мамуляну так и не довелось. Как справедливо замечает Арцви Бахчинян, “не приехал, к счастью”, т. к. неизвестно, какая судьба постигла бы его в Советском Союзе.

Не уготовлена ли была ему участь многих армян, сосланных в Сибирь или канувших в неизвестность гулагов.

Осенью 1932 г. в парижской газете “Аршав” были напечатаны впечатления Мамуляна после просмотра документального фильма “Страна Наири” того же Амо Бекназаряна. “Картина эпична,- писал он. Мои впечатления так глубоки, что хочется взять молоток и участвовать в работе”. “Внутренняя сила этого фильма,- продолжает он,- его свежесть и ритм произвели на меня большое впечатление. Я получил чисто эстетическое впечатление, увидев на экране темпы строительства на родной земле. Эта картина еще больше утвердила меня в желании посетить Армению”.

Высоко оценил Мамулян и первый армянский звуковой фильм “Пепо” режиссера Амо Бекназаряна. “Мое убеждение о важности звукового кино более утвердилось, когда я посмотрел армянский звуковой фильм “Пепо”. Посмотрел с удивлением и огромной радостью...Слава чудесам кинематографа, потому что здесь, в самом сердце Голливуда, я смог увидеть лицо моей страны... слышать сладкую, как мед музыку армянского языка. Технический и художественный прогресс, которого, по сравнению с другими армянскими фильмами, добились в “Пепо”, удивил и порадовал меня”⁴. Известно, что в те же тридцатые годы Мамулян задумывал проект – экранизацию книги Франца Верфеля “40 дней Мусадаса”. Однако проекту не суждено было осуществиться. Турция настояла на его отмене. В связи с этим Мамулян сказал: “Вы знаете, наша свобода – относительная. Думаете, в искусстве не присутствует дипломатия? К, несчастью, присутствует”.

Французский кинорежиссер, армянин Арби Ованнесян летом 1986 г. (за год до смерти Мамуляна) несколько дней провел рядом с ним и записал свои долгие беседы с режиссером. В одной из этих бесед Мамулян рассказал ему, что в фильме “Клеопатра” планировал снять эпизод с армянским царем Артаваздом, плененным египетской царицей. Причем предполагалось, что Артавазд будет закован в золотые цепи, т. к он не был простым пленником.

Во многих статьях о Мамуляне упоминается факт, что режиссер мечтал о фильме, сценарий к которому написал бы Вильям Сароян, а музыку – Арам Хачатурян, главную роль сыграл бы Шарль Азнавур, а художником был бы Сарьян.

⁴ *Кино, 1995, N 10.*

Мне не известно, был ли Мамулян знаком с Шарлем Азнавуром. Но известно, что с Вильямом Сарояном он был знаком, более того они переписывались. 9 апреля 2005 г. в газете “Азг” было опубликовано одно из писем Сарояна Мамуляну. Письмо датировано 5 июля 1935 г. В нем Сароян рассказывает о своем пребывании в Эриване и в Москве. С Арамом Хачатуряном Мамулян был не просто знаком. Они были друзьями. В 1961 г. Мамулян был приглашен на Московский кинофестиваль. В одном из залов московского Дома дружбы с народами зарубежных стран состоялась встреча двух гигантов – музыки и кино, двух армян. Встреча была очень теплой. Хачатурян и Мамулян договорились сделать вместе музыкальный фильм. К сожалению, этой задумке Мамуляна, как и многим другим, не суждено было реализоваться.

Мамулян не оставлял в беде своих соотечественников-актеров. Известно, что благодаря поддержке Мамуляна продолжал сниматься в кино актер Аким Тамиров. Мамулян часто снимал в массовках безработных армян.

Никогда Мамулян не отрекся от своей национальности. Его фильм “Королева Кристина” поистине торжественным маршем прошел по экранам мира. В 1934 г. его показывали в Стамбуле. Один армянский юноша послал Мамуляну телеграмму, в которой жаловался на то, что турецкие полицейские не давали армянам аплодировать фильму, т. к. его режиссер стопроцентный армянин. Мамулян ответил ему: “Очень хорошо, старик, предпочитаю оставаться стопроцентным армянином”.

Мамулян не просто не отказывался от своего армянского происхождения. Порой он даже подчеркивал его. После премьеры в Нью-Йорке спектакля “Порги”, когда к нему пришли слава и известность, естественно, многие журналисты стали брать у него интервью. Перед началом каждой из этих бесед он просил обязательно написать о том, что он – армянин. На страницах “The Armenian Spectator” (“Армянский зритель”) – органа американских армянских англоязычных студентов, была напечатана стенограмма встречи Мамуляна с этими студентами. Ему был задан вопрос: не стесняется ли он своей национальности. На что Мамулян ответил: “Почему я должен стесняться того, что я – армянин? Армяне имели развитую культуру и искусство еще до средних веков. Мы имели культуру, когда Франция, Англия и Германия еще не были цивилизованными странами. Армяне внесли большой вклад в развитие мировой цивилизации. Мы – гордый народ. Художественность в армянах до сих пор выраже-

на достаточно сильно. Нет ни одной причины, которая заставила бы меня стыдиться за свой народ”. Затем прозвучал вопрос: “Что из этой культуры несет в себе Мамулян?”. В ответ прозвучало: “Вопрос личный. Но вот что я скажу. Мое армянское происхождение дало мне крепкую опору. Армяне имеют такую значительную историю, что талант творчества заложен в их крови”. Он заметил, что армяне должны приспособиться к стране, в которой живут. Но ни в коем случае не должны ассимилироваться. Мамуляну неоднократно предлагали поменять фамилию. Но он всегда категорически отказывался. Когда один из руководителей студии “Парамаунт” привел довод, что фамилия у него трудная и плохо запоминается, он ответил: “Если я сделаю что-нибудь стоящее, то все ее запомнят, если же нет, то не запомнят, будь я Смитом или Брауном”.

Мамуляна часто приглашали на разные встречи, организованные армянскими обществами. Он почти никогда не отказывался от приглашений. В 1935 г. на обеде, организованном армянской общиной Бостона, он произнес тост. Вспоминая слова ашуга Дживани: “Мир – гостиница, люди – гости. Таков закон – они придут и уйдут”, Мамулян продолжил: “Уйду и я, уйдете вы, но Армения останется. Хочу, чтобы в течение минуты мы думали об этой далекой, но столь любимой Армении”. На банкете во Фрезно (8 мая 1938 г.) Мамулян произнес небольшую речь. Причем начал говорить по-армянски, потом перешел на английский, т. к. среди гостей было много американцев. Переходя на английский, он заметил: “Хочу вас уверить, что когда я произношу английские слова, они идут от биения моего армянского сердца”.

После отъезда из Советского Союза Мамулян всего дважды посетил его. В 1961 г. после 40-летнего отсутствия Мамулян приехал на второй Московский кинофестиваль. Сразу по приезде он заявил организаторам фестиваля, что хотел бы съездить с ретроспективой своих фильмов в Ереван и Тбилиси. Поехать туда ему не разрешили. Посетил он Ереван и Тбилиси лишь спустя 10 лет, когда приехал на 7 Московский кинофестиваль.

Каким же сильным было разочарование Мамуляна, когда его любимая Армения очень холодно и равнодушно приняла его. Бывая во многих странах, Мамулян привык к тому, что его всегда встречала толпа журналистов, фотокорреспондентов и конечно представители армянских общин. В ереванском аэропорту его встречало 5-6 человек. Среди них всего один журналист. Приехал он в сопровождении некоего “Юрия”, который постоянно

был рядом с Мамуляном. Как пишет Лаэрт Вагаршян – тогдашний секретарь Союза кинематографистов Армении, ”Зачем Юрий сопровождал Мамуляна? От кого он ограждал его? Юрий, в общем-то симпатичный молодой человек, и сам чувствовал себя в этой роли неловко. Зато у Мамуляна от всего этого настроение во время поездки по Армении резко упало”⁵. Но упало настроение у замечательного режиссера и прекрасного человека не только от этого. Не ожидал он такого равнодушия к себе в любимой Армении. Лаэрт Вагаршян вспоминает, что в последний день пребывания Мамуляна в Ереване перед его отъездом в Тбилиси Союзом кинематографистов был организован прощальный завтрак в ресторане. К Мамуляну подсел корреспондент ”Арменпресса”. Не успел он задать свой первый вопрос, как Мамулян резко оборвал его: ”А где вы были до сих пор?”. Серьезным событием в культурной жизни Армении могла бы стать встреча Мамуляна с кинематографистами в АДРИ (Армянском доме работников искусств). Но встреча прошла тускло, вяло. Я присутствовала на этой встрече. Но не могу вспомнить ни одного интересного вопроса, заданного Мамуляну. Да и что греха таить. Сама я о нем тогда почти ничего не знала. А работала я на телевидении уже 7 лет! Правда, после встречи показали фильм ”Королева Кристина”. И вопросы возникли. Но было уже поздно. Я думаю, этот вечер особенно огорчил Мамуляна.

Пробыл в Армении Мамулян несколько дней. Союз кинематографистов организовал поездки Мамуляна по стране. Дежурные маршруты – Матенадаран, Эчмиадзин, Гарни, Гегард, Севан, Дилижан. И всегда он выражал бурный восторг: ”Похоже на сон... Я ошеломлен...” Перед отъездом он сказал: ”Уезжаю с Араратом в душе и армянской речью на устах”.

Человек чрезвычайно интеллигентный, воспитанный, Мамулян никак не выражал обиды. Но очень скоро стал торопиться выехать в Тбилиси. Посещение родного города входило в программу поездки. В Тбилиси он должен был ехать на машине. На границе Грузии и Армении его ждал кортеж грузинских машин. Прием в Грузии ему был оказан на самом высоком уровне. Указание свыше – никаких помпезностей, никаких встреч с журналистами, получили обе республики. Армянское правительство проявило осторожность, свято выполнив это указание. Грузины же встретили знаменитого американского тбилиссца как подобает. Сек-

⁵ *Новое время*, 10.XII.1998.

рет такого отношения к знаменитому режиссеру скрывался в его фильме “Шелковые чулки”. Сразу после выхода его на экраны Мамулян был объявлен антисоветским деятелем. “Шелковые чулки” – это веселая музыкальная комедия, героиня которой, чекистка Ниночка, получила задание поехать в Париж и вернуть советского композитора, уехавшего туда на гастроли и не пожелавшего вернуться. Вместо того, чтоб вернуть “заблудшего”, Ниночка сама осталась в Париже. Именно этот сюжет дал основание советским руководителям объявить Мамуляна неуютной персоной.

По приезде в Америку, Мамулян давал интервью о своей поездке в Советский Союз – в Армению. Ни разу, ни словом он не выразил своей обиды.

Умер Мамулян в декабре 1987 г. после продолжительной, тяжелой болезни, и поскольку он не имел родных и близких, должен был быть похоронен на общественном кладбище. Но, к счастью, последние пять лет жизни рядом с ним была удивительная женщина – армянка Цагик Гюрджян. Все эти пять лет она приходила к Рубену, как она его называла, прибирала, готовила. Ей сообщили о смерти Мамуляна. Она тут же кинулась в необходимые инстанции и добилась того, что Мамулян был похоронен на лучшем лос-анджелесском кладбище “Forest Lawn Memorial-Park”. Похороны организовывала та же Цагик Гюрджян. Отпевали его в армянской церкви. Здесь присутствовали три главы епархий и семь священников. На похоронах присутствовало около 500 человек. В последний путь Мамуляна пришли проводить американские актеры и режиссеры: Элиа Казан, Фред Циннеман, Делберт Манн, Билли Уайльдер, Керк Дуглас, Стенли Крамер, Френк Капра, Френсис Коппола, Джозеф Манкевич, Мартин Рид, Сид Чаррис, Роберт Вайс, Джин Рейнолдс, Франк Шеффнер, Джордж Шиффер. Были на похоронах и армяне – 15-16 человек. В свой первый приезд в Лос-Анджелес я, конечно, пошла на могилу Мамуляна. Обратила внимание, что уголок надгробного камня чуть-чуть надломлен. В следующий приезд я снова пошла к Мамуляну. Камень был заменен на новый. Сделала это та же Цагик Гюрджян. Она рассказывала, что в последние дни, перед смертью Мамулян стал говорить только по-армянски.

Сохранилась фотография его рояля, и на рояле отчетливо видна книга “Армянские хачкары”. А на его рабочем столе всегда лежала стопка армянских газет.

ՌՈՒԲԵՆ ՄԱՍՈՒԼՅԱՆԸ ԵՎ ՀԱՅ ԻՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ

ԳՈՒԼՅԱՆ Ս. Ա.

Ամփոփում

Ռուբեն Մամուլյանը ծնվել է 1897 թ., Թիֆլիսում, ավանդական հայ ընտանիքում: Նրա ծնողները՝ Ջաքար Մամուլյանը և Վերգինե Քալանթարյանը, Վրաստանի հայ մտավորականության փայտուն ներկայացուցիչներից էին: Հայրը բանկիր էր, մայրը՝ հայ թատրոնի դերասանուհի: Նրանց տանը հաճախ էին լինում Գաբրիել Մունդուկյանը, Հովհաննես Թումանյանը, Վահրամ Փափագյանը, Հովհաննես Աբելյանը և շատ այլ գրողներ, նկարիչներ, դերասաններ, ռեժիսորներ: Քսան տարեկանում Ռ. Մամուլյանը մեկնեց Անգլիա, որտեղ սկսվեց նրա թատերական գործունեությունը, այն շարունակվեց ԱՄՆ-ում, որտեղ և ռեժիսորն անցկացրեց իր ողջ կյանքը: Դառնալով ամերիկացի՝ Մամուլյանը սերտ կապերի մեջ էր Ամերիկայի հայ համայնքի հետ: Աշխարհով մեկ ճանապարհորդելով՝ նա մշտապես մեծ ուրախությամբ էր ընդունում տեղացի հայերի հրավերները: Մամուլյանին բազմիցս առաջարկել են փոխել իր ազգանունը, բայց նա կտրուկ հրաժարվում էր:

Ռ. Մամուլյանը լավ ծանոթ էր Վիլյամ Մարոյանի հետ, բարեկամական հարաբերությունների մեջ էր Արամ Խաչատրյանի հետ: Նա մեծ հետաքրքրությամբ էր հետևում հայկական կինոյի զարգացմանը: Ամբողջ կյանքում երազում էր նկարահանել հայկական թեմայով որևէ ֆիլմ, որը նրան, ցավոք սրտի, չհաջողվեց իրագործել: 1971 թ. լինելով մոսկովյան կինոփառատոնի հյուրը՝ նա այցելեց նաև Հայաստան: